

Читайте романы
РИНЫ ДЕЙН:

ОБМАНУТАЯ
СЛАБОСТИ
НЕПРАВИЛЬНАЯ

РИНА ДЕЙН

НЕПРАВильНАЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д27

Иллюстрация на переплете *Таисии Шарабьевой*
Оформление серии *Александра Андреева*
Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Дейн, Рина.

Д27 Неправильная : роман / Рина Дейн. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221869-9

Кристина Борцова всегда считала себя слишком обычной, чтобы быть по-настоящему счастливой. С самого детства все складывалось не так, как ей хотелось, и она смирилась. Не шла наперекор судьбе, плыла по течению. Махнула на себя рукой, но стремилась сделать все, чтобы ее близкие ни в чем не нуждались и имели то, чего она сама была лишена.

Виктор Бобыркин влюбился в Кристину с первого взгляда и часами нес ерунду только ради того, чтобы та, кого он желал больше всего, улыбнулась. И она улыбнулась, а после — пожалела.

Ведь он такой идеальный. Такой правильный, а она... совершенно не вписывается в его жизнь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дейн Р., текст, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221869-9

Плейлист

Анна Asti, Филипп Киркоров — Хобби

Ваня Дмитриенко — Вишневый

Тима Белорусских — Прости

Три дня дождя — За край

Три дня дождя — Не виноваты планеты

Три дня дождя — Отпускай

Ghost — Square Hammer

Halsey — Without me

НМ — Join me in Death

Miley Cyrus — Flowers

Paul Van Dyk, Rea Garvey — Let Go

Selena Gomez — Lose you to love me

Пролог

В больничном коридоре холодно и сыро. Серые стены давят на меня. Желание, по меньшей мере, закрыть уши, чтобы не слышать крики, достигает неимоверно высокой отметки. В идеале я бы бросила все и ушла отсюда, но не могу. Сил сейчас едва хватает на то, чтобы дышать и уверенно стоять на ногах. Возможно, мысли на самом деле материальны, иначе я не понимаю, почему все повернулось именно так. Меня поставили перед фактом, сказали, что другого варианта нет, что это единственный способ, ведь плод мертв и *такое случается*.

Такое случается, слова, эхом отдававшиеся в голове *снова и снова*.

— ...у вас еще будут дети. Вы еще молодая, успеете, — медсестра, которая помогала мне покинуть кабинет, придерживая за талию, повторяла это как мантру, но легче мне не становилось. Я могла остаться в палате на сутки, но отказалась. Подписала документы, внешне оставаясь спокойной. Но внутри все горело, адская боль разрывала. Все случилось слишком быстро, все решилось само собой, к сожалению. На самом деле только сейчас, после операции, я в полной мере ощущаю, что произошло. Возможно, я тянула непозволи-

тельно долго, и потому кто-то извне решил все за меня. И вовсе не в мою пользу.

Сейчас мне остается лишь сидеть и ждать, когда Янина меня отсюда заберет. Ее номер я набрала случайно, как только покинула кабинет. Оставила позади полноватую женщину-врача, сдавленные всхлипы, окровавленные пеленки и собственное нерожденное будущее. У меня не было даже малейшего шанса все исправить, но почему-то я все равно видела в глазах врача осуждение. Словно я сама виновата в случившемся. Никому не скажу о том, что случилось. Это останется моей тайной, похороненной среди белых стен гинекологического отделения. Потому что, каюсь, доля вины лежит на моих плечах. Правда, заключение, записанное в личном деле, говорит о другом.

По коридору эхом разносятся быстрые шаги, сопровождаемые шуршанием пуховика. Мне даже не нужно поднимать голову, я узнаю подругу по ее кроссовкам, припорошенным снегом. За окном метет с самого утра, и добираться до клиники было довольно проблематично. Будто сама судьба не хотела, чтобы я приезжала сюда, но, оказавшись здесь позже, последствия были бы иными. Мне о них кратко рассказали, приукрасив не очень приятными подробностями. Рука неосознанно опускается на живот. На плоский и теплый. Внутри покалывает и режет, врач сказала, что это скоро пройдет. Боль исчезнет, а следом и воспоминания. Нужно лишь немного времени, и я перестану думать о том, что было внутри меня. Забуду и продолжу жить так, будто этих месяцев попросту не было.

И *его* тоже не было.

— Боже, Кристин... — Янина опускается рядом и сразу же обнимает меня за плечи. От нее пахнет мо-

розов и крепким черным кофе. Влажные от снега волосы противно касаются щеки, но меня этот момент сейчас мало волнует. Больше заботит, как я сама сейчас выгляжу — укладка не испорчена, короткие черные волосы лежат идеально — волосинка к волосинке, стрелки поправлены, тушь нанесена заново.

Еще десять минут назад, отходя от истерики в грязном больничном туалете, я себя не могла узнать в отражении зеркала. По щекам ползли черные змейки туши вперемешку со слезами. Я плакала так сильно, что после с трудом могла снова накраситься. Руки тряслись, чуть не выколола себе глаз кисточкой. Они и сейчас дрожат. Потому прячу их в карманы черной куртки. Там же нащупываю шапку Вити и сжимаю ее.

— Все в порядке, — говорю немного надломленным голосом, но спустя пару беглых вдохов, от которых покалывает грудная клетка, продолжаю более уверенно: — Врачи сказали, могло быть хуже. К сожалению, такое случается. Редко, но случается.

И именно мне выпал тот самый редкий процент.

Все это время даже не думала о том, мальчик это или девочка. Так было удобнее. Потому что не понимала, что вообще делать, как быть и справлюсь ли я. И, как только верный ответ пришел в голову, случилось то, что случилось.

— Ты ему сказала? — Мы с Яниной поднимаемся на ноги, но от боли приходится стиснуть зубы. Внизу все горит, хочется спрятаться в кровать и зарыться с головой в одеяло. Поджать ноги под себя и прореветься еще разок. В последний раз позволить себе эту слабость.

Потом я буду сильной, если не для себя, то для младших, а сейчас я хочу побыть маленькой и безза-

щитной. Но у меня нет на это времени. Нужно жить дальше, улыбаться, вести себя так, словно ничего не было — *его* не было.

Медсестра советовала поговорить с психологом, обсудить проблему и просто высказаться, но у меня на это нет ни времени, ни сил, ни денег. И единственное, что способно мне помочь скорее прийти в себя, — забота о младших. Им нужна я.

— Не о чем тут говорить, — говорю так, чтобы подруга поняла — продолжения разговора не будет. Иду немного быстрее, живот колет и болит, будто разрезают и выжигают. Мне говорили, что так и будет. Первое время. Просили поберечь себя, но я не могу. Я не привыкла беречь себя. Других — да, нет проблем. Себя — у меня и без того хватает проблем, чтобы защищать собственную шкуру.

Я выхожу на улицу, и в лицо бьет колкий ветер. Куртка нараспашку, ледяные порывы закрадываются под тонкую черную футболку, пробираются под самую кожу. Дрожь пробегает по всему телу, и жар постепенно падает. Снег усиливается, и вскоре чувствую, как моя голова покрывается белоснежной пушистой шапочкой.

— Да погоди же ты! — кричит подруга и бежит за мной. Я выхожу с территории клиники, обхожу периметр и перебегаю дорогу. Рядом с небольшим кафе припаркована машина Глеба, брата Янины. А сам парень сидит там. Барабанит пальцами по рулю и замирает при виде меня. Он знает, где я провела это утро. У Янины с братом слишком крепкие отношения, и наверняка она все ему рассказала.

Последнее, что мне сейчас нужно, это жалость. Залезаю на заднее сиденье и тихо закрываю дверь. Янина

НЕПРАВИЛЬНАЯ

прибегает меньше чем через минуту и бросает на меня один из коронных взглядов, которые я, как и прежде, успешно игнорирую. Глеб тактично молчит и вскоре включает музыку, чтобы перебить тишину. Мы едем в сторону универа. Занятия никто не отменял. Пусть мне и хочется отлежаться и отоспаться, но такой роскоши я позволить себе не могу. Мне нужно учиться, нужно продолжать работать, нужно забыть все и жить дальше, чтобы...

Чтобы что, дорогая?

...просто выжить.

Первая глава

Осень

Сигарета тлеет между пальцами, пепел медленно хлопьями падает на сухой асфальт. Дождь закончился лишь пару часов назад, но сейчас, от него уже не осталось и следа. Солнце припекает в макушку, а теплый ветер треплет отросшие волосы. Я сижу уже битых полчаса на этой скамейке, из корпуса вышли двадцать три парня, но среди них нет того, кто мне нужен. Паша Ищенко игнорирует меня в сети, не отвечает на сообщения и звонки. Делает вид, что мы не знакомы, и старательно обходит все места, где мы можем встретиться. В особенности «синего котика», где мы с ним и увиделись впервые несколько месяцев назад. Он мне понравился сразу, потому что я сама этого хотела. Высокий шатен с кудряшками, которые постоянно выглядят так, будто устроили ему бойкот, пухлые губы и россыпь почти незаметных веснушек. Они различимы лишь при близком и детальном рассмотрении. Светло-карие глаза, аккуратные темные брови и крошечная горбинка на носу.

Я заметила его сразу. Видимо, так меня наказала судьба за то, что я в свое время смеялась над Любой и ее любовью к Степанову. К Паше я почувствовала сильное притяжение и мириться с этим не собиралась.

Мы переспали в тот же день. Ведь, как известно, клин клином вышибают, но все стало лишь хуже. Мне понадобился еще один раз, а потом еще и еще, но Паше Ищенко я была не нужна. Не нужна была и тогда, не нужна и сейчас. Я для него одна из сотни, а он для меня тот, кто проживает лучшую жизнь.

Мою лучшую жизнь!

Ведь, повернись все иначе, это я бы разъезжала на новенькой иномарке, училась и не думала о том, как сдавать экзамены, гуляла и наслаждалась каждым прожитым днем.

Кто я такая, чтобы вообще быть нужной?

Дверь снова открывается. Смотрю на часы — вот-вот должно закончиться занятие. Но вместо Паши на ступеньках появляется его лучший друг. Витя Бобыркин останавливается и, приставив ладонь ребром ко лбу, осматривается, будто кого-то высматривает. И находит меня моментально: взгляд цепляется за мою темную толстовку, в которой сейчас жарко и душно. Витя бодро спускается по ступенькам, улыбается и подбегает ко мне — я успеваю лишь подняться со скамьи, накинуть капюшон и сделать несколько шагов в сторону.

Эта затея изначально была провальной. Паша не хочет меня видеть. Но я продолжаю бегать за ним, будто собачка. Будто на нем свет клином сошелся. Но на самом деле мне просто хочется побыть еще рядом с тем, кто живет мою жизнь, почувствовать себя причастной к их семье. Это звучит глупо и пахнет обреченностью.

— Ух, Кристинка, тебя и не догнать. Рванула-то как, будто стометровку сдаешь. — Витя обгоняет и становится передо мной. Бросает взгляд мне за спину, и мне приходится оглянуться — двери все еще закры-

ты и вряд ли оттуда кто-то выходил в ближайшие тридцать секунд. — Ну и стартанула же ты! Кстати, привет! Давно не виделись!

— Привет, Вить, — я даже не скрываю злость и раздражение. Понимаю, что Бобыркин тут вообще ни при чем, но ведь мне ничего не мешает сорваться на нем сейчас. Да, он не Паша, который снова спрятался от меня где-то внутри корпуса, куда я не могу войти, так как не студентка этого универа, но... почему я не могу накричать на Витю так, будто он Ищенко?!

— Ты на остановку? Давай проведу. Ты не подумай, я не ухаживаю, просто нам идти в одну сторону. Представляешь — от этой остановки мы оба можем доехать домой. Правда, каждый к себе. Но это уже мелочи, да? — он болтает без умолку. Говорит и говорит. Будто всадил в себя парочку самых сильных батареек и теперь заряжен полностью. Это выводит из себя. Но я молчу. Знаю же, что стоит мне сказать хоть одно слово, произнести хоть что-то похожее на элементарный звук, и эта болтовня лишь усилится.

С Витей я познакомилась в тот же вечер, что и с Пашей. Но, если с Ищенко мы смогли как-то изменить статус отношений со «знакомые» до «бывшие любовники», то с Бобыркиным все осталось в зародыше. Мы вовсе не друзья и далеко не любовники. Меня едва хватает, чтобы слушать его пустую болтовню, не то чтобы терпеть ближе. Мы с ним слишком разные, он такой...

Правильный.

Слишком хороший и порядочный. Витя выше меня на голову и совершенно не в моем вкусе — русые волосы выются, глаза голубые, а тонкие губы всегда улыбаются. Никогда еще не видела его грустным или, боже

упаси, злым. Кажется, что это генетически не заложено в нем.

А еще он полная противоположность Ищенко.

— ...и ты представляешь? Этот говнюк отказался платить за гамбургер, который сожрал! Схотмачил! Нет, ты представляешь? Но Ржевский все решил, не пришлось вызывать админа и решать вопрос как-то иначе. Эх, хотел бы я на это посмотреть. Но я был дома. У бабули было день рождение.

— Был, — сначала говорю, а потом понимаю, что только что нарушила священное правило — никогда не вступай в монолог Бобыркина.

— Что?

— Был день рождения. А не было день рождение. Он. Он — что? День. Поэтому правильно говорить «был день рождения».

— Правда, что ли? — удивляется так, будто я только что новое правило ему рассказала. Что-то нереальное. — Так вот. О чем это я. Был у бабули и подарил ей знаешь что? Конечно, не знаешь, ты и не догадаешься никогда. Заказал у местной художницы портрет бабули с дедом, тот умер, когда я еще не родился. И ты б видела, как бабуле понравился подарок. Серьезно! Мне пришлось потом выжимать рубашку, так сильно она проревелась. Все же вы, женщины, такие ранимые. Вас хлебом не корми, дай выплакаться хорошенько.

Так мы и идем к остановке — я молчу, а он говорит обо всем, что на ум приходит. Несколько раз я все же оборачиваюсь, но двери корпуса остаются так же закрытыми. Может, у Паши сегодня выходной? Или я расписание спутала?

Прими правду жизни, дорогая, — ты ему просто не нужна. Как и всем.